

УДК 338.92

ББК 65.9(2Р)30-2

Э40

DOI 10.36264/978-5-89665-403-2-2026-039

А в т о р ы:

Алексеев А.В., д.э.н. – предисловие, гл. 3, заключение; Базаров А.Б., к.э.н. – гл. 10; Баранов А.О., д.э.н. – гл. 4, гл. 7; Гильмундинов В.М., д.э.н. – гл. 10; Гореев А.В., к.э.н. – гл. 4; Дементьев Н.П., д.ф.-м.н. – гл. 6; Казанцева Л.К., к.и.н. – гл. 10; Казанцев С.В., д.э.н. – гл. 5; Колложнов Д.В., PhD in economics, к.э.н. – гл. 12; Колложнов Е.Д. – гл. 12; Комарова А.В., к.э.н. – гл. 9; Музыко Е.И., д.э.н. – гл. 8; Павлов В.Н., д.т.н. – гл. 7; Рыженков А.В., д.э.н. – гл. 11, приложение; Савина А.И., к.э.н. – гл. 10; Слепенкова Ю.М., к.э.н. – гл. 4; Тагаева Т.О., д.э.н. – гл. 10; Тесля П.Н., к.э.н. – гл. 2; Филимонова И.В., д.э.н. – гл. 9; Фомин Д.А., к.э.н. – гл. 1.

Рецензенты:

д.э.н. Н.И. Суслов, д.э.н. Н.М. Ибрагимов, к.э.н. М.А. Ягольницер

Э40

Экономика России в новой макроэкономической реальности: от структурных диспропорций к новой модели роста / под ред. А.В. Алексеева, Л.К. Казанцевой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2026. – 426 с.

ISBN 978-5-89665-403-2

В монографии дается анализ новой макроэкономической реальности – ее производственной, финансовой, демографической, эколого-экономической составляющих – сложившейся под воздействием внешних и внутренних факторов. Рассматриваются вопросы создания диверсифицированной национальной экономики в противовес курсу на консервацию сырьевой модели развития. Внимание фокусируется на инструментах стратегического развития, на моделях поиска компромисса между целями экономической политики, на проблемах адаптации нефтегазового сектора к новым реалиям. Теоретико-методологическим фундаментом исследования стали передовые концепции моделирования экономической динамики, промышленных циклов и условий макроэкономической стабильности.

Монография подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН по проектам № 121040100281-8 «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» и № 126020516495-3 «Методология и методика разработки и обоснования приоритетов инвестиционной, кредитно-денежной и фискальной политики структурной трансформации российской экономики в новых геополитических условиях»; адресована ученым-экономистам, работникам государственных служб, частных корпораций и учебных заведений.

УДК 338.92

ББК 65.9(2Р)30-2

ISBN 978-5-89665-403-2

© ИЭОПП СО РАН, 2026

© Коллектив авторов, 2026

Часть II

ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА И ФИНАНСОВЫЕ УСЛОВИЯ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Глава 3

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ РОСТ И СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Российская экономика уже шестой год находится в условиях перманентного стресса: пандемия 2020–2021 годов сменилась периодом СВО и беспрецедентным ужесточением санкционного давления. Ключевой вопрос, на который призвана ответить настоящая глава, заключается в том, как экономика адаптируется к этой новой реальности, и насколько успешно происходит трансформация ее производственного потенциала.

Одним из ключевых индикаторов, отражающим как текущее состояние экономики, так и ожидания рынка, являются инвестиции в основной капитал. Если инвестор, частный или государственный, не верит в перспективы национальной экономики или не имеет возможности осуществлять инвестиции, ни о каком развитии говорить не приходится [О долгосрочном..., 2022]. Однако финансовые потоки – лишь одна сторона медали. Для понимания глубины трансформации необходимо знание не только того, в какие виды деятельности и в каком количестве идут инвестиции, но и как эти инвестиции материализуются в производственные мощности (ПМ) – материальную основу выпуска товаров и услуг.

В главе решается двуединая задача: оценивается динамика и структурные сдвиги в системе ПМ промышленности в целом

и по отдельным видам добывающих и обрабатывающих производств, а также насколько эффективно используются растущие (или снижающиеся в ряде случаев) мощности с учетом изменения их загрузки во времени.

Такой подход позволяет выйти за рамки традиционного анализа ВВП, темпов роста выпуска продукции/услуг по видам экономической деятельности и инвестиций и выявить фундаментальные изменения в производственном аппарате страны, которые в решающей степени определяют будущую траекторию экономического роста. В качестве точки отсчета взят 2019 г. – последний год «спокойного» развития в условиях мягкого санкционного режима.

3.1. Методология исследования

Анализ производственных мощностей в России сопряжен с рядом методологических сложностей, связанных с ограниченной доступностью данных Росстата. Росстат разрабатывает полноценный баланс ПМ, но доступ к нему не открывает. В Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС) данных больше: порядка 300 позиций по величинам среднегодовой мощности и уровню их использования по отдельным видам продукции (углю каменному, руде железной, щебню, сливкам, творогу, картону, бензолу, тракторам, станкам металлорезающим и др.). Данные представлены в натуральных показателях, что снимает вопрос об их инфляционном искажении во времени.

Проблема в том, что оценить среднегодовые темпы роста ПМ по виду экономической деятельности (производству пищевых продуктов, напитков, текстильных изделий, химических веществ, электрическому оборудованию и др.) на основе данных о динамике ПМ по отдельным продуктам нельзя. Так, если мощности по производству резиновых изделий (код 22.1) за год увеличились вдвое, а по производству изделий из пластмасс (код 22.2) не изменились, это не значит, что среднегодовая мощность «Производство резиновых и пластмассовых изделий» (код 22 ОКВЭД2) выросла на 50% – необходимо взвесить вклад каждой конкретной ПМ в рост совокупной мощности по виду экономической деятельности.

В качестве весов воспользуемся данными Росстата по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. Стоимостные оценки выпуска продукции по кодам (в нашем примере 22.1, 22.2 и, соответственно, 22) известны. Придадим показателям среднегодового темпа роста ПМ по продуктам 22.1 и 22.2 веса в соответствии с их стоимостным вкладом в выпуск продукции по коду 22. Это позволит относительно корректно рассчитать темп роста среднегодовой мощности уже не по отдельному виду продукции, а по виду экономической деятельности (в рассматриваемом примере «Производству резиновых и пластмассовых изделий»).

Ограниченная точность расчетов связана с тем, что в таблице «Объем отгруженных товаров...» декомпозиция кодов ОКВЭД2 представлена только до уровня одной цифры после значения кода. Декомпозиция же данных по среднегодовой мощности – до двух и более цифр. Это делает невозможным корректный учет веса каждой ПМ. Темпы роста мощностей в более дробной кодировке приходится усреднять до уровня декомпозиции таблицы «Объем отгруженных товаров...». Таким образом, предложенный подход предполагает определенную потерю точности в расчетах, но, что представляется важным, не качества итоговых показателей.

Расчет темпов роста среднегодовых ПМ в добывающих и обрабатывающих производствах, а также промышленности в целом осуществляется по описанной методике. Среднегодовые темпы роста ПМ по отдельным видам экономической деятельности взвешиваются по их доле в выпуске добывающей/обрабатывающей промышленности.

Отметим, данных по ряду важнейших ПМ просто нет. Так, отсутствует информация по мощностям в добыче нефти и природного газа. А добыча нефти и газа в 2023 г. в денежной оценке составляла 70% выпуска продукции по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых». Понятно, что расчет ПМ в добывающей промышленности с такими «изъятиями» не полон.

Со вторым блоком используемой в расчетах информации – уровнем использования среднегодовой ПМ – тоже не все просто. Интрига здесь начинается уже на уровне оценки загрузки ПМ по экономике в целом. По данным Росстата, в последние годы она колеблется в районе 60–65%, причем в 2023 г. загрузка ПМ снизилась.

Банк России же оценивает загрузку ПМ существенно выше – около 80%, при этом в 2023 г. она растет. Столь значимые различия в оценках связаны, по-видимому, с двумя обстоятельствами. Во-первых, в таблице «Уровень использования производственной мощности», представленной на сайте ЕМИСС, представлены данные только по разделам В и С ОКВЭД2. В отчете же Банка России представлена информация по разделам А, В, С, F, G, Н [Мониторинг...]. Во-вторых, Банк России опирается на результаты опроса примерно 14 тыс. предприятий. В зоне же ответственности Росстата примерно четверть миллиона предприятий в обрабатывающей промышленности и еще 17 тыс. – в добывающей [Промышленное..., 2023, с. 45].

Абсолютные значения показателей загрузки мощностей действительно неоднозначны. Росстат учитывает не востребовавшиеся, но сохраняющиеся по разным причинам мощности (изменившаяся структура спроса, мобилизационные мощности, наконец, устаревшие мощности, на которых невозможно производить конкурентоспособную продукцию, но которые, в силу финансовых ограничений, невозможно заменить на более современные). По оценкам Центра стратегических разработок в российской обрабатывающей промышленности (без нефтепереработки) доля неконкурентоспособных мощностей (мощности возрастом свыше 10 лет, не загружаемые, по меньшей мере, последние 5 лет) составляет примерно 13–14% [Сальников и др., 2017, с. 11]. С учетом этих факторов расхождения в оценках загрузки ПМ Росстата и Банка России, по-видимому, меньше, хотя, следует отметить, представители бизнеса тоже не всегда понимают «откуда ЦБ берут данные о якобы полной загрузке мощностей» [Обухова, 2025, с. 29].

Впрочем, даже при определенной спорности абсолютных показателей загрузки ПМ и Росстат, и Банк России рассчитывают их пусть по своим, но единым методикам. А это дает возможность оценить направление и силу сдвигов в использовании производственного потенциала в различных видах деятельности.

В расчетах будем опираться на данные Росстата как более полные. Кодировка таблиц «Среднегодовая мощность, действовавшая в отчетном году» и «Уровень использования среднегодовой производственной мощности в РФ» сопоставима. Поэтому оценку использования ПМ по отдельным видам экономической деятельности проведем по методической схеме, которая использовалась для расчета среднегодовой мощности.

3.2. Инвестиции в основной капитал

Ковидные ограничения и резко ужесточившиеся санкции [Nanania, 2020] неожиданно благотворно сказались на готовности инвесторов вкладываться в российскую экономику. Если в «мягко» санкционные 2014–2019 гг. инвестиции стагнировали (среднегодовой прирост 0,1%), то в 2020–2024 гг. их темпы роста составили 6,4% в год. Это далеко не рекордные показатели 2006–2007 гг. (17,8 и 23,8%, соответственно), но изменения налицо.

Достаточно высокие темпы роста инвестиций по экономике в целом стали следствием высокой инвестиционной активности не столько в обрабатывающей и, тем более, добывающей промышленности и сельском хозяйстве, сколько в строительстве (2024 г. к 2019 г.: 167,6%), в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания – 166,0%, финансовой и страховой – 157,2%; профессиональной, научной и технической – 182,9%, государственном управлении и обеспечении военной безопасности – 171,6% и ряда других.

Опыт России контрастирует с американским: если в годы «мягкого» санкционного режима (2014–2021 гг.) инвестиции в российскую экономику стагнировали, а в стрессовые «ковидные» 2020–2021 гг. и, в особенности, «жестко» санкционные 2022–2024 гг. заметно активизировались, то в США, напротив, в 2014–2019 гг. инвестиции устойчиво росли в среднем на 4,4% за год, а в 2020–2024 гг. они резко замедлились до 2,7% в среднем в год (табл. 3.1).

Однако прямые сравнения масштабов инвестиций показывают, что России предстоит длительный путь догоняющего развития [Алексеев, 2024, с. 53]. До американских масштабов российским инвестициям еще далеко. Так, в 2023 г. в американскую экономику было вложено 5861,9 млрд долл. (4876 млрд долл. частные инвестиции плюс 985,9 млрд долл. государственные) [Industry (a)...], а в российскую – 34036 трлн руб. (950 млрд долл. по ППС для инвестиций в основной капитал¹), т. е. в 6,2 раза меньше при разнице в населении в 2,3 раза.

¹ Значение ППС для основного капитала для 2023 г. – расчетная величина. Росстат регулярно публикует данные ППС по ВВП, но последние данные о значении ППС для основного капитала представлялись за 2014 г. и 2017 г. Расчет произведен при предположении, что среднегодовые темпы сближения значения ППС по ВВП и ППС для основного капитала в 2018–2023 гг. сохранятся на уровне 2014–2017 гг.

Таблица 3.1

**Индекс физического объема инвестиций
в основной капитал РФ по полному кругу
хозяйствующих субъектов и США в 2019–2024 гг., %**

Наименование вида деятельности по ОКВЭД2	РФ								США
	Код ОКВЭД2	2019	2020	2021	2022*	2023*	2024*	2024/ 2019	2024/ 2019
Всего	A-F	102,1	99,9	108,6	106,7	109,8	107,4	136,5	114,3
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	A	100,4	96,0	103,4	99,3	101,0	96,7	96,3	111,7
Добыча полезных ископаемых	B	96,6	96,9	100,7	109,9	109,1	105,9	124,0	97,8
Обрабатывающие производства	C	100,4	102,9	109,1	95,6	117,6	119,0	150,1	107,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	D	94,4	104,1	94,9	102,2	119,8	106,1	128,3	131,4
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	E	106,5	127,2	107,9	105,9	110,0	110,5	176,6	
Строительство	F	100,4	103,9	114,0	120,1	110,4	106,7	167,6	122,4

*Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Источники: рассчитано по данным www.gks.ru (дата обращения: 14.07.2025); www.gov.com (дата обращения: 02.05.2025).

Инвестиционный всплеск стал реакцией на санкционный шок [Сморозинская, Катуков, 2023, с. 20] и напрямую способствовал росту промышленного производства, который в 2024 г. превысил уровень 2019 г. на 14,3%, обрабатывающие производства – на 28,7% [Федеральная служба...]. Если в 2014–

2019 гг. среднегодовые темпы роста реальной заработной платы работников составляли 1,5%, то в 2020–2024 гг. – уже 5,1% [Там же], заметим, при снизившихся объемах производства и, соответственно, рентных поступлений в добывающей промышленности.

Однако уже в 2024 г. инвестиционный рост стал замедляться. Если в 2023 г. инвестиции в основной капитал увеличились по отношению к 2022 г. на 9,8%, то в 2024 г. – только на 7,4% к 2023 г. В 2023 г. снижение инвестиций наблюдалась по двум разделам ОКВЭД2, в 2024 г. – уже по шести. По-видимому, в российской экономике начинает обостряться дефицит ресурсов развития: возможности привлечения как финансовых, так и материальных ресурсов из-за рубежа затруднены и ограничены, внутренние же, в первую очередь квалифицированный труд, уже в значительной мере задействованы.

Отметим, что результаты развития обрабатывающих производств одного из основных санкционеров российской экономики – США – за рассматриваемый период иные: в 2024 г. продукции обрабатывающих производств было произведено *меньше*, чем в 2019 г. – на 0,6% [Industry (б)...].

Тем не менее модель роста, опиравшаяся на внутренние резервы [Лавровский, Шильцин, 2023, с. 230–232] и ориентацию на оборонный сектор, порождает новые вызовы, связанные с необходимостью обеспечения сбалансированности развития и поддержания уровня потребления.

3.3. Динамика и структурные сдвиги в системе производственных мощностей промышленности РФ

Высокие темпы роста инвестиций воодушевляют, но материализуются они в производственных мощностях. ПМ – интересный и сложный объект, незаслуженно остающийся в тени внимания многих экономистов [Селиверстова, 2011, с. 99–100]. А ведь именно на них создается значительная часть общественного богатства и материальная основа жизни общества.

Рассмотрим ПМ как систему, т. е. «нечто такое, что в результате взаимодействия своих частей поддерживает свое существование и функционирует как единое целое» [О'Коннор, Макдермотт, 2013]. Отдельные мощности могут появляться и исчезать, но, как пишет Н. Талеб, «поведение совокупности невозможно предсказать, исходя из ее компонентов. Взаимодействия влияют на систему больше, чем природа каждого ее элемента. Изучение отдельных муравьев почти никогда не сообщает нам, как действует муравейник» [Талеб, 2025]. Рассмотрим ситуацию в российской системе ПМ с точки зрения динамики ее воспроизводства, эффективности функционирования (по критерию загрузки), сбалансированности и достаточности.

Результаты расчетов неожиданно оптимистичны. Всего за четыре года совокупная ПМ российской промышленности выросла более чем на 1/3. После слабой динамики прироста мощностей в 2019 г. и их небольшого сокращения в 2020 ковидном году началась резкий рост, достигший пика в 2022 г. (прирост более 13%). Если в 2021 г. этот рост отчасти объясняется компенсаторным восстановлением после депрессивного 2020 г., то рост 2022 г. явно свидетельствует об эффекте мобилизации экономики с началом СВО. В 2023 г. темпы прироста мощностей несколько сократились, но все равно оставались на достаточно высоком уровне – 11%.

Обращает на себя внимание характерный факт: в тяжелые для российской экономики годы (ковид и СВО) совокупная мощность обрабатывающих производств росла быстрее, чем инвестиции в них (рост на 1/3 и 1/4, соответственно). Причин, по которым ПМ растут быстрее, чем инвестиции в них, может быть много. Это может быть просто эффект инвестиционного лага: сегодняшний ввод ПМ – «эхо» ранее осуществленных инвестиций. Или новое оборудование, приобретаемое для замены морально или физически устаревшего, оказывается более производительным по критерию «производительность на рубль затрат в постоянных ценах». Возможно, растет сменность работы и/или меняется номенклатура выпускаемой продукции: более простой продукции, измеряемой в натуральных показателях, на том же оборудовании можно выпустить больше. Повышение качества организации производства, снижение технологических простоев, времени переналадки и обслуживания оборудования – также факторы роста ПМ.

Не менее интересен и противоположный эффект: по половине рассмотренных отраслей темп роста инвестиций был выше темпа роста ввода ПМ. В видах экономической деятельности, где инвестиции резко возросли после 2020 г., новые ПМ еще не полностью введены, но структурные сдвиги в производстве промышленной продукции уже предопределены.

Отметим высокую чувствительность ввода мощностей к масштабам инвестиций. В обрабатывающих производствах даже небольшой прирост инвестиций в 2020 г. (см. табл. 3.1) предопределил существенное приращение мощностей в 2021 г. Резкое увеличение инвестиций в 2021 г. привело к еще более резкому увеличению ввода мощностей в 2022 г. Заметное же сокращение инвестиций в 2022 г. (правда, относительно достаточно высокого уровня предыдущих двух лет) лишь замедлило прирост мощностей в обрабатывающих производствах. Высокий уровень инвестиций в обрабатывающие производства в 2023–2024 гг. дает все основания ожидать продолжения благоприятной тенденции роста ПМ в 2024–2025 гг.

В добывающих отраслях соотношение «рост инвестиций / рост ПМ» существенно слабее (инвестиции здесь вообще растут быстрее, чем ПМ). Впрочем, отсутствие данных по динамике ПМ в добыче нефти и природного газа не дает возможности полноценно обосновать это утверждение.

Впечатляющий показатель по росту ПМ в обрабатывающих производствах в известной степени лукав. Действительно, быстрее среднего росли ПМ всего по трем видам деятельности из рассматриваемых двадцати, при этом по трем видам деятельности мощности и вовсе сократились. «Ларчик» открывается просто: в рассматриваемый период очень быстро росли мощности по производству кокса и нефтепродуктов. Поскольку удельный вес производимой здесь продукции в совокупном выпуске продукции обрабатывающих производств высок (свыше 20%) то, в силу используемой методики, высок и вклад этого вида деятельности в совокупный прирост ПМ.

В рамках наблюдаемых структурных сдвигов обращают на себя внимание слабые результаты добывающих производств. Здесь быстро росли мощности по добыче угля, но стагнировал производственный аппарат в добыче металлических руд, прочих полезных ископаемых.

Очень быстрый рост мощностей в производстве машин и оборудования, компьютеров, электронных и оптических изделий, металлических изделий и других высокотехнологичных отраслей свидетельствует, во-первых, о глубоких структурных сдвигах и, во-вторых, о принципиальной способности отечественной экономики наращивать свой потенциал в условиях жесткого внешнего давления (табл. 3.2).

Таблица 3.2

**Темпы роста среднегодовой производственной мощности и инвестиций
в РФ в 2019–2023 гг., %**

Наименование вида деятельности по ОКВЭД2	Код ОКВЭД2	Темпы роста среднегодовой производственной мощности						Темпы роста инвести- ций
		2019	2020	2021	2022*	2023**	2023/2019	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего:		100,9	97,9	109,1	113,2	110,9	134,1	127,1
Добыча полезных ископаемых	В	95,1	99,8	102,2	104,2	104,7	111,3	117,1
Добыча угля	05	104,0	98,3	104,7	108,2	109,2	121,6	103,2
Добыча металличе- ских руд	07	89,1	100,3	99,7	100,5	101,8	102,4	139,9
Добыча прочих по- лезных ископаемых	08	86,4	101,2	102,5	98,6	99,7	102,1	150,0
Обрабатывающие производства	С	101,4	97,7	109,8	114,1	111,4	136,4	126,2
Производство пище- вых продуктов	10	102,5	108,5	106,5	105,9	105,6	129	101,5
Производство напитков	11	103,9	81,3	122,9	102,0	98,0	100	116,0
Производство табач- ных изделий	12	97,5	87,6	105,1	102,5	-	94	51,2
Производство тек- стильных изделий	13	101,0	76,5	145,0	100,7	94,2	105	99,5
Производство одежды	14	104,8	95,0	147,8	95,7	100,4	135	83,3
Производство кожи и изделий из кожи	15	99,8	97,2	100,7	95,8	105,6	99	102,7

Продолжение таблицы 3.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	16	104,5	94,4	115,9	101,2	101,7	113	103,9
Производство бумаги и бумажных изделий	17	109,4	109,1	136,9	97,4	132,2	192	92,5
Производство кокса и нефтепродуктов	19	101,4	100,9	106,7	140,8	124,5	189	76,7
Производство химических веществ и химических продуктов	20	102,4	100,1	105,8	103,4	102,8	113	175,0
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	21	100,1	100,3	98,9	100,3	113,7	113	121,8
Производство резиновых и пластмассовых изделий	22	105,9	81,7	134,0	103,3	109,4	124	94,9
Производство прочей неметаллической минеральной продукции	23	107,0	91,1	106,4	106,2	107,4	111	120,4
Производство металлургическое	24	99,0	96,7	108,5	101,5	101,9	109	153,3
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	25	106,2	90,9	90,9	160,5	101,7	135	144,7
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	26	98,4	101,1	139,1	105,8	101,5	151	217,2
Производство электрического оборудования	27	97,9	93,4	114,3	90,8	115,7	112	128,1
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	28	90,6	90,6	114,6	116,6	106,7	129	110,4

Окончание таблицы 3.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Производство авто-транспортных средств, прицепов и полуприцепов	29	87,3	96,4	89,5	99,5	96,6	83	80,7
Производство прочих транспортных средств и оборудования	30	99,6	77,8	105,4	86,9	160,8	115	128,1

*Данные за 2022 г. уточнены в соответствии с Регламентом оценки, корректировки и публикации данных статистического наблюдения за строительством и инвестициями в основной капитал, утвержденным Приказом Росстата от 26.09.2016 г. № 544.

**Данные за 2023 г. без учета статистической информации по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям.

Источник: рассчитано по данным [ЕМИСС...].

3.4. Использование производственных мощностей

Интенсивные структурные сдвиги, являющиеся следствием быстрого и неравномерного роста ПМ по отдельным видам деятельности, закономерно привели к разбалансировке системы ПМ. Вообще, поддержание стабильного уровня использования системы ПМ в условиях быстрого роста ее отдельных элементов теоретически возможно в условиях плановой экономики. В рыночных условиях задача роста мощностей решается, если имеющаяся система ПМ функционирует заведомо неэффективно: отдельные мощности получают импульс к увеличению как раз потому, что стихийно возникают их локальные дефициты, определяющие недозагрузку сопряженных мощностей. Проблема российской системы ПМ, правда, не просто в том, что она функционирует с невысокой эффективностью, а в том, что в санкционных условиях требуется ее быстрая структурная перестройка, обостряющая эту неэффективность. Поэтому невысокие показатели использования мощностей ожидаемо продолжают снижаться.

В табл. 3.3 в первых двух строках представлены данные по загрузке ПМ, рассчитываемые Банком России и Росстатом. Расче-

ты, проведенные в рамках настоящего исследования, показывают близость полученных результатов по промышленности в целом к данным Росстата, что подтверждает достоверность расчетов по отдельным видам экономической деятельности.

Таблица 3.3

Использование производственной мощности в РФ в 2019–2023 гг., %

Наименование вида деятельности по ОКВЭД2	Код ОКВЭД2	2019	2020	2021	2022*	2023**	Темпы роста ПМ х Индекс использования ПМ, 2023/2019
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего (Банк России):		-	74,9	78,8	79,3	80,7	-
Всего (Росстат)		61,6	60,1	65,0	65,5	57,1	-
Всего:		65,2	60,6	62,3	58,8	58,2	119,7
Добыча полезных ископаемых	В	77,1	73,9	76,0	74,4	68,5	98,9
Добыча угля	05	77,8	71,8	76,3	72,4	67,9	106,1
Добыча металлических руд	07	71,3	71,3	71,6	71,8	61,3	88,0
Добыча прочих полезных ископаемых	08	87,4	85,0	88,7	86,8	86,2	100,7
Обрабатывающие производства	С	64,1	59,5	61,0	57,3	57,3	121,9
Производство пищевых продуктов	10	55,6	54,1	55,0	54,9	53,8	124,8
Производство напитков	11	45,4	49,4	55,7	53,6	55,8	122,9
Производство табачных изделий	12	57,1	65,9	64,3	59,9	55,4	91,2
Производство текстильных изделий	13	61,3	57,4	67,1	58,6	67,0	114,8
Производство одежды	14	68,4	68,5	50,5	46,3	41,4	81,7
Производство кожи и изделий из кожи	15	43,4	38,3	36,5	35,3	39,5	90,1

Продолжение таблицы 3.3

1	2	3	4	5	6	7	8
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	16	60,2	61,6	62,1	54,1	52,0	97,6
Производство бумаги и бумажных изделий	17	77,5	73,2	71,0	65,2	69,5	172,2
Производство кокса и нефтепродуктов	19	84,7	73,4	65,4	56,6	58,7	131,0
Производство химических веществ и химических продуктов	20	69,4	69,4	73,3	67,7	66,2	107,8
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	21	37,9	38,1	48,1	56,2	51,3	153,0
Производство резиновых и пластмассовых изделий	22	61,6	65,1	64,2	63,1	65,3	131,4
Производство прочих неметаллической минеральной продукции	23	59,0	57,5	60,9	62,1	59,3	111,6
Производство металлургическое	24	69,8	65,8	69,0	66,3	70,0	109,3
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	25	41,3	42,5	64,6	50,1	58,0	189,6
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	26	47,9	50,9	54,3	43,3	39,2	123,6

Окончание таблицы 3.3

1	2	3	4	5	6	7	8
Производство электрического оборудования	27	42,9	41,3	43,5	42,4	40,2	105,0
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	28	33,6	35,3	41,9	37,1	35,0	134,4
Производство транспортных средств, прицепов и полуприцепов	29	34,4	34,5	41,8	34,2	43,0	103,8
Производство прочих транспортных средств и оборудования	30	58,1	52,2	49,0	73,5	54,3	107,5

*Данные за 2022 г. уточнены в соответствии с Регламентом оценки, корректировки и публикации данных статистического наблюдения за строительством и инвестициями в основной капитал, утвержденным Приказом Росстата от 26.09.2016 г. № 544.

** Без учета статистической информации по ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областям.

Источник: рассчитано по данным: [ЕМИСС...].

Обращает на себя внимание не слишком высокая, но в целом нормальная загрузка мощностей в добывающих производствах, и явно низкая и снижающаяся (!) в обрабатывающих. Данная ситуация не типична для развитых стран. Так, самая низкая за последние четверть века загрузка ПМ в промышленности США наблюдалась в апреле 2020 г. – 64% [Investing.com...] (в последующих периодах – 75–80%). Да, в обрабатывающих производствах США загрузка ПМ, как и в РФ, заметно ниже, чем в добывающих, но абсолютные значения показателей иные – 78,3% и 86,5% соответственно [Board...] (на временном горизонте 1972–2023 гг.).

Проблема носит системный характер: низкая загрузка напрямую коррелирует со сложностью производимой продукции. Наихудшие показатели демонстрируют производства компьютеров, электроники, машин и оборудования, автомобилей. В то же время, в производствах кокса, нефтепродуктов, химии и металлургии ситуация с загрузкой значительно лучше.

Явной тенденции повышения использования ПМ по тем видам деятельности, где они используются особенно плохо, нет. Одно из немногих исключений – повышение интенсивности использования мощностей в производстве лекарственных средств. В ряде случаев стабилизацию использования ПМ на низком уровне можно объяснять быстрым вводом новых мощностей – производству требуется время, чтобы освоить новые мощности. Так, коэффициент использования мощностей при производстве компьютеров, электронных и оптических изделий падает на фоне быстрого роста мощностей. Этот эффект наблюдается и в других видах деятельности, но он достаточно слаб.

Основной конституирующий признак низкого использования имеющихся мощностей – сложность производимой на них продукции. Нет проблем с загрузкой мощностей добывающих производств, достаточно интенсивно используются мощности при производстве простой, не требующей высоких переделов продукции. С использованием же имеющегося производственного аппарата при производстве сложной с высокой добавленной стоимостью продукции – беда.

С одной стороны, в условиях санкций, направленных в первую очередь на недопуск на российский рынок высокотехнологичной продукции, трудно признать нормальным использование ПМ в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий на уровне 50% с выраженной тенденцией к снижению. С другой, именно российская специфика реакции на санкции и предопределяет здесь столь низкую загрузку ПМ. Исполнительный директор Ассоциации разработчиков и производителей электроники (АРПЭ) Иван Покровский объясняет сложившуюся ситуацию следующим образом: «Все крупные игроки построили заводы по сборке серверов, персональных компьютеров, ноутбуков. При этом наше оборудование оказывается дороже аналогичного импортного в два-три раза... Рынок, на котором заказчики готовы платить двойную цену, очень узкий, его не хватит для полноценной загрузки созданных сборочных производств ... Будет больше производств – еще меньше средняя загрузка – еще выше цена – еще меньше круг заказчиков, которые ее смогут принять... В этом году запущено четыре проекта строительства новых заводов производства печатных плат исключительно для того, чтобы набирать баллы Минпромторга.

Боюсь, что это та же история: ни один не будет загружен, ни один не будет конкурентоспособен» [Ивантер, 2025, с. 46].

Низкий уровень загрузки мощностей в производстве машин и оборудования, не включенных в другие группировки, можно объяснить неконкурентоспособностью производимой на них продукции и сложностями с освоением достаточно быстро вводимыми здесь новыми мощностями в последние годы.

В производстве же отечественных автотранспортных средств увидеть обнадеживающие тенденции непросто. Загрузка мощностей здесь традиционно низка, а сами мощности быстро, что не характерно для российской системы мощностей в целом, сокращаются (см. табл. 3.3).

Низкий уровень загрузки мощностей в производстве технологически сложных изделий – закономерное следствие предыдущего этапа развития российской экономики. Попытки «встроиться в мировые цепочки создания стоимости» в условиях последовательного ужесточения доступа к новым технологиям в рамках нарастающего санкционного давления незаметно изменили саму природу российской промышленности: более или менее сложная продукция в ней стала не столько производиться, сколько собираться из импортных комплектующих. Созданные сборочные производства сталкиваются с проблемой неконкурентоспособности своей продукции по цене и, как следствие, с узостью внутреннего рынка сбыта. Это создает порочный круг: низкая загрузка означает высокую себестоимость; высокая себестоимость сужает круг заказчиков; невысокий спрос на продукцию ведет к еще более низкой загрузке мощностей.

3.5. Производительность системы производственных мощностей в РФ

Приведенные расчеты темпов роста ПМ и уровня их использования позволяют оценить динамику производительности отечественной производственной системы. Действительно, рост мощности на фоне снижения ее использования может означать как рост выпуска продукции, так и его снижение.

Быстрый рост ПМ, сопровождаемый снижением интенсивности их использования в последние годы, ожидаемо скорректировал

производительность российского производственного аппарата. Особенно ярко этот эффект проявился в добывающих производствах: ПМ в 2023 г. здесь были заметно выше, чем в 2019 г., но, с учетом резкого сокращения их использования, совокупный выпуск продукции (в натуральных измерителях) в 2023 г. оказался даже меньше, чем в 2019 г. (см. табл. 3.2–3.3). Напомним, в добыче полезных ископаемых не учтена добыча нефти и природного газа (а это 70% совокупного производства отрасли в денежной оценке).

В обрабатывающих отраслях ситуация не столь драматична. Тем не менее при росте ПМ в 2023 г. относительно 2019 г. на 36% выпуск продукции здесь увеличился лишь на 22%. Там, где коэффициент использования ПМ рос (в основном это металлургические производства), производство продукции росло быстрее, чем росли мощности.

Значения показателя «Темпы роста ПМ x Индекс использования ПМ» подтверждает сдвиг в структуре производства в пользу отраслей с более высокой добавленной стоимостью. Так, мощности в добывающих производствах растут, но снижается интенсивность их использования. Результат – промышленное производство растет, но не за счет добывающих отраслей. В обрабатывающих производствах значение рассматриваемого показателя меньше 100% лишь по четырем видам деятельности: в производстве табачных изделий (что вызовет только энтузиазм у сторонников здорового образа жизни), производстве кожи (что, очевидно, также связано с определенными рыночными факторами. Больше внимание привлекает снижение показателя в производстве одежды (ПМ здесь быстро растут, но коэффициент использования их падает; по-видимому, обостряется проблема с импортом тканей и фурнитуры) и в обработке древесины).

По остальным видам деятельности наблюдается убедительный рост рассматриваемого показателя. Так, в 2023 г. по отношению к 2019 г. технологические возможности производства (рост ПМ с учетом реальных возможностей их использования) в производстве бумажных изделий выросли на 72%, в производстве лекарственных средств – в полтора раза, в производстве компьютеров – на 1/4, в производстве некоторых видов машин и оборудования – на 1/3. Этот сдвиг пока недостаточно последователен. Технологические возможности по производству электрического оборудования изменились

слабо (прирост 5%), по производству автотранспортных средств скорее ухудшились (сокращение ПМ здесь компенсировалось некоторым увеличением использования оставшихся мощностей).

Таким образом, российская экономика демонстрирует определенную двойственность своего потенциала. С одной стороны, ее производственный аппарат способен быстро, даже очень быстро расти. С другой, выявляет ключевую дилемму: зачем наращивать ПМ, направлять дефицитные ресурсы на инвестиции, а не на потребление, если и имеющиеся мощности используются неэффективно?

В действительности такая постановка вопроса ложна: нагрузка мощностей невелика не потому, что они избыточны, а потому, что система ПМ не сбалансирована. Так, мощности по сборке автомобилей есть, а по производству критически важных автокомпонентов – нет, так как в рамках прежней парадигмы развития их выгоднее было импортировать. Результат – тяжелейший кризис в отечественном автомобилестроении с неясными перспективами по его преодолению.

ВЫВОДЫ

Российская промышленность демонстрирует значительный адаптационный потенциал и способность к быстрому росту производственных мощностей в условиях санкционного давления. Однако этот рост сопровождается углублением структурных диспропорций, а также низким уровнем использования мощностей в высокотехнологичных секторах.

Повышение эффективности использования системы ПМ непростая, но решаемая задача. Для добывающих производств она менее актуальна, а для обрабатывающих, как отмечалось выше на примере США, задача имеет решение. Правда, высокие показатели загрузки американской системы ПМ определяются двумя факторами: во-первых, доли экспорта и импорта в ВВП США существенно ниже, чем в РФ, т. е. американская экономика более самодостаточна и, соответственно, более сбалансирована, во-вторых, она ничем не ограничена в импорте тех комплектующих, которые ей, по разным причинам, выгоднее приобретать за рубежом.

Российская экономика находится в худших условиях – значительная часть ее производственного аппарата утеряна в годы «ак-

тивного встраивания в мировые цепочки создания стоимости» [Алексеев и др., 2023, с. 16–19]. Возможности импорта необходимых ресурсов также по понятным причинам несопоставимы.

В сложившихся условиях вывод очевиден: необходимо повышать целостность отечественной производственной системы. Результаты исследования показывают: санкционный шок резко активизировал инвестиции, причем в первую очередь в обрабатывающем секторе промышленности. Российская экономика способна быстро наращивать ПМ даже в условиях жесточайшего внешнего давления. Более того, для роста ПМ далеко не всегда требуются сверхусилия в части наращивания инвестиций. По половине из рассмотренных укрупненных позиций ПМ росли быстрее, чем инвестиции в них. Удвоение мощностей по производству бумаги вообще произошло на фоне снижения инвестиций в отрасль, а примерно те же результаты в производстве кокса и нефтепродуктов были достигнуты на фоне стагнации инвестиций.

Конечно, так происходит не везде. В ряде отраслей подобный рост – просто эффект инвестиционных лагов. Тем не менее достаточно быстрое закрытие очевидных лагун в российской производственной системе вполне возможно. Проблема здесь даже не столько в финансовых ограничениях – в период до СВО этих ограничений не было, а ситуация с ПМ только ухудшалась, – сколько в российской системе институтов. Санкции обнажили системную слабость российской институциональной системы: она плохо защищает права и интересы инвестора, что существенно сужает горизонт принимаемых инвестиционных решений. Удивительная открытость экономики, буквально преклонение перед западным, а в последнее время и восточным *эффективным* товаропроизводителем не дают ни времени, ни возможностей в рамках сложившейся институциональной системы взрастить сильный отечественный бизнес.

Одним из насущных направлений апгрейда российской институциональной системы является предоставление гарантий бизнесу, что производимая им продукция будет востребована на внутреннем рынке и, при выполнении граничных условий по качеству и цене, защищена от иностранных конкурентов. Эта задача уже решается в рамках внесения изменений в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муни-

ципальных нужд». «Продолжим совершенствование контрактной системы – настроим механизмы импортозамещения в закупках, – сказал Силуанов. – Если есть российский поставщик, то иностранный не рассматривается. Это будет реализовано по согласованному перечню продукции» [Минфин... 2023]. Прорабатывается возможность распространения правила «второй лишней» на госзакупки всех товаров, о чем свидетельствуют слова замдиректора департамента бюджетной политики в сфере закупок ведомства Артема Гриненко: «Есть поручение правительства РФ Минфину о подготовке предложений по упрощению закупок российской продукции... Минфин предлагает создать единый механизм ограничений на основе правила "второй лишней" – использовать его в качестве базового и применять по общему правилу» [Там же].

Использование правила «второй лишней» верная, но недостаточная мера для создания условий для взращивания сильного отечественного бизнеса. Необходимо ограничить конкуренцию со стороны зарубежного товаропроизводителя на рынке в целом. Это, конечно, прямое нарушение норм ВТО. Но догматичное следование нормам ВТО в условиях санкций в ущерб собственным интересам – «это больше, чем преступление: это ошибка»¹.

Преодоление сложившихся диспропорций и переход к новой модели роста требуют не просто увеличения инвестиций, но целенаправленной политики по повышению целостности национальной производственной системы. Это предполагает сознательное и системное импортозамещение, защиту внутреннего рынка и кардинальное улучшение инвестиционного климата. Создание такой относительно целостной системы в условиях узкого внутреннего рынка не является оптимальным с точки зрения либеральной экономической теории, но не имеет альтернативы для обеспечения экономического суверенитета в современной геополитической реальности. Цена суверенитета – отход от доктрины максимальной эффективности в глобальном масштабе. Как показывает анализ, российская промышленность обладает необходимым потенциалом, чтобы заплатить эту цену и обеспечить переход к устойчивой модели внутренне ориентированного роста.

¹ Буле де ля Мерт, председатель Законодательной комиссии, разработавшей Гражданский кодекс Наполеона.